

Глава 1.

Кровь брызнула фонтаном, маслянистым и тягучим, опадая на пыльную мостовую вместе с грузно рухнувшим телом, еще подающим слабые признаки жизни и продолжающее исторгать из разорванного на тканевые клочки горла алую жидкость. Переломанные пальцы на вывернутой кисти беспомощно подергивались, в попытке закрыть ужасную рану, но с каждым мгновением наполненный отчаянием и ужасом взгляд тускнел все сильнее, покуда и вовсе не потух, оставляя в глазницах лишь пару безжизненных, мутных стекляшек. Второй труп с развороченным черепом уже как минуту не представлял из себя ничего стоящего, кроме как жертвы для бедняков, желающих обзавестись новой одеждой, всего-то испачканной в крови.

Палящее солнце гиксарских земель било в глаза и пекло макушку одновременно, заставляя искать тень и жмуриться словно самый настоящий крот. По широким улочкам, вымощенным и обстроеным из красного, желтого и синего кирпича, переплетавшегося причудливые узоры или цельные однотонные стены, меж дворцов и лачуг, мимо борделей и садов с фонтанами неспешно и вальяжно шел щурящийся мальчишка лет двенадцати. Он шел вперед с улыбкой, вытирая о свою блеклую бедняцкую одежду окровавленные руки и распугивая столпившихся ради зрелища людей.

Патриарх чувствовал себя просто прекрасно, наслаждаясь каждой секундой пребывания в этом месте и трепеща от каждого синяка и ушиба, что появились на его теле во время короткой схватки с парой рослых работорговцев. Конечно, мужчина раздражался от того что недооценил ту силу которое скрывали в себе его душа и тело, а потому был крайне удивлен, когда, будучи ребенком по возрасту просто обязанного дышать взрослому в пупок, он смог пусть и с усилием, пусть и жилистую, но все же переломить руку своими ладошками. Возможно тут могла сыграть и особенность помолодевшего тела, что росло в крайне неблагоприятных, даже по местным средневековым меркам, условиях варварской дикости и жесткости, когда каждый шаг и новая ночь может закончиться смертью. О последней догадке свидетельствовало случайно увиденное в одном из медных котлов, что висели на крючках какой-то лавки, отражение мальчика несоответствующего местным представлениям о внешности двенадцатилетнего.

Рослый и широкоплечий, с длинными руками, оканчивающимися тонкими пальцами покрытыми мозолями. Его угловатое лицо с оливкового цвета кожей, практически сливавшейся с короткими, светло-русскими волосами, уже начинало обзаводиться всеми атрибутами подростка, включая бесцветный, тонкий пушок на нижней челюсти и щеках. Это явно не внешность обычного ребенка, только вчера возившегося со сверстниками в грязи.

Но мысли о внешности и несоответствующей ожиданиям силе быстро выветриваются из головы Патриарха, приобретая образы еды. Одно лишь мимолетное воспоминание о том, что ел как следует, а не существовал на духовной энергии и чае, он последний раз лет этак пять назад, тут же наполнило его рот слюнями, а в животе требовательно заквало ненасытное существо под названием аппетит растущего организма, сливаясь с шумом толпы вокруг.

Благо Патриарх никогда не был ни привередой, ни ханжой, а потому одно лишь ловкое движение руки во время неспешной проходки мимо лавки под открытым небом, обеспечило его ароматным, но жестким хлебом с какими-то чудными специями. Еще движение добавило к этому непримечательный, глиняный сосуд с пробкой. Очередной поворот на придаточную улочку скрыл маленького вора с глаз заметившего пропажу продавца, поднявшего гул.

И только утолив первый голод, мужчина решил наконец разобраться с тем, куда же ветры магии в междумирье занесли его. Заняв позу для медитаций, Патриарх прикрыл глаза, оставляя небольшую щель между веками, чтобы быть способным различить силуэты перед

собой и погрузился глубоко в свои мысли, выискивая там нечто отличное по пониманию и ощущению от привычного ему. Нужный сгусток мыслей, бившийся словно сердце напуганной птички, нашелся в углу подсознания среди вороха других глупостей, что владелец разума запихнул подальше, чтобы не мешали. Мимолетное желание и вот все то, что хранилось за прозрачной, переливающейся пленкой устремилось по кратчайшей дороге в основу всего вокруг, радостно вбиваясь в плотную сферу и исчезая в ней, как камешки в воде. Всего пара секунд и голову Патриарха заполнили мысли и знания. Сотни непонятных слов, образы зданий и людей, грубые подобию карт и блеск золота со смертоносной сталью. Открыл глаза уже совсем другой человек, прекрасно осознающий, что и как вокруг.

Конечно, из разума простого бандита, только и занимающегося тем, что отлавливал рабов для дешевых аукционов, попутно продавая не самую нужную информацию конкурентам своего хозяина, нельзя было выловить ничего полезного. Но вот знание языка (и даже не одного, что удивительно), цены, общее географическое положение с названиями городов и стран, а так же, какая-никакая но общедоступная политика в ныне разбитой черепушке работорговца содержались в изрядном количестве, обильно перемешиваясь с прочей шелухой о самых дешевых куртизанках, кабаках с меньше всего разбавленным пивом и самых жирных местах охоты на рабов и ценами на живой товар со множеством категорий и критериев, по которым с него могли спросить.

Всего этого было более чем достаточно для нетерпеливого Патриарха, чтобы подскочить на ноги и устремиться в сторону импровизированных трущоб, запрятанных между семи высоких домов. Уже на подходе к этой небольшой улочке, в противовес многим другим, наполнявшим Миэрин, помолодевший мужчина почувствовал металлический запах крови и стойкое амбре человеческих внутренностей с их содержимым. Бойцовские ямы для бедных не были самым чистым местом в этом городе, и уж точно никто из их владельцев не собирался потратить парочку лишних серебрушек на очистку, предпочитая экономию и утверждая, что сие нужно для антуража.

Уже на самом входе, представлявшем собой какое-то жалкое, деревянное подражание арке более богатых заведений, мальчишку остановили охранники, небрежно ухватив нагло прошлепавшего мимо нарушителя за ветхую одежку и поставив перед собой.

-Куда? - лениво протянул один из сторожил.

-В ямы, конечно. - и предвидя следующую фразу стражника, Патриарх поспешил добавить. - Как боец.

-Нахрен ты там сдался, а? - вздохнул все тот же громила, покуда его напарник глупо хихикая, отвернулся. - Тыж дохляк. Помрешь же, как только выйдешь.

-Я в себе уверен.

-Ты мясом для зверей что ли хочешь стать? - еще более протяжно вздохнул охранник и почесал выпирающее из-под рубашки пузо, исполосованное парочкой тонких шрамов. - Давай ка ты уже по хорошему...

-Да че ты, Горах, он же настоящий воин, ты только глянь на него! - влез в разговор второй охранник, даже не пытаясь скрыть гадкую ухмылку на дрожащих губах. - Ты расценки-то знаешь, мелочь?

-Простой бой один на один с новобранцем - треть онера, а на остальное плевать! - самоуверенно усмехнулся Патриарх.

-Хе? - издал неопределенный звук зубоскал, но в разговор вновь вернулся пузатый охранник.

-Верно говоришь, только еще не ясно куда тебя хозяин поставит. Хочешь попасть в пасть льва или шакала? Так охота помереть в зубах зверя или напороться сразу на несколько пик? Уходи малец...

-Мне дадут оружие? - перевел тему мальчишка.

-Нож. - раздался глухой голос из темноты зазанавешенного прохода. - Или стилет. Тебе же этого хватит, о великий воин из пропитанных дерьмом закоулков?

Занавесы разошлись, выпуская разодетого в кричащие тряпки мужчину с оливковой кожей и короткими волосами, цвета воронова крыла, легко переходящими в аккуратную бороду с вплетенной парой колец. Охранники спешно замолкли и склонившись, разошлись перед явным хозяином этой ямы, позволяя ему встать напротив Патриарха.

-Думаю да. Деньги?..

-Ты все понял верно - треть онера за жизнь такого же ничтожества, как и ты. Если понравишься народу, то получишь больше и возможно поднимешься в иерархии и заработаешь еще пару монет. Потратить их можно здесь же, на еду, оружие и баб. По крайней мере пока ты не понравишься зрителям.

-Деньги я получу сразу? - закончил свою мысль Патриарх.

-Убей и получи. - усмехнулся мужчина, оправляя пестрый кушак с изогнутым кинжалом. - Я видел тебя сегодня на площади, наблюдая за тем как ты вспорол глотку работнику Хаджи и проломил камнем головешку его дружка. Ничего особенного, конечно, но если проявишь себя - я выкуплю тебя у хозяина.

-Я свободный. - кровожадно усмехнулся мальчишка. - Еще никому не удалось связать меня узами власти.

-Так даже лучше. - радостно протянул хозяин ямы и в его глазах блеснула опасная искорка алчного желания и предвкушения. - Вперед, Чоко тебя проводит.

-Оружие. - напомнил помолодевший Патриарх, на что хозяин арены недовольно сузил глаза.

-Горах. - коротко бросил «попугай» пузатому охраннику и тот спешно выудил из-за спины небольшой простенький кинжал, удивительно удобно улегшийся рукоятью в маленькой ладонке мальчишки. - А теперь пошевеливайся, я выдам тебе время между двумя главными потехами, так что постарайся поддержать довольство толпы.

Патриарх не сказал ничего, лишь прошелся взглядом по покинувшему ножны лезвию и поспешил следом за гаденько хихикающим охранником. Уже через пару шагов он скрылся в темном зеве прохода, улавливая за спиной тихие слова:

-Вы уверены, господин?

-А я что-то теряю? Найди... и пусть он... самодовольному ублюдку...

Гул толпы, что требовала зрелищ и расстояние полностью искажали любую информацию, поступающую через слух и уже через десяток шагов, мальчишка не слышал даже отдаленного

бубнежа говорящих.

Каких-то тридцать шагов с парой поворотов в практически полной темноте, разрываемой лишь тусклыми масляными лампами, вывели парня к массивным воротам оббитым железной сеткой. Слегка отставший охранник с гаденьким смешком чем-то щелкнул в темноте и за спиной Патриарха с грохотом возникло препятствие в виде массивной деревянной решетки с металлическими шипами, торчащими из брусьев.

Показав гнилые зубы, охранник вновь чем-то щелкнул и за что-то потянул. Через минуту отделявшие Патриарха от арены ворота пришли в движение и с ужасным грохотом и скрипом, поднялись вверх, ослепляя неожиданно ярким светом чадящих факелов и ошеломляя громогласным криком радостной толпы, завалившей все трибуны под завязку. И мальчишка не нарушил их ожиданий, шагнув вперед с клинком на голо.

Мальчишка в обносках на потеху толпе скакал по кровавому песку арены, перепаханному падениями тел и безрезультатными ударами смертоносных орудий. Он извивался и дергался, словно раненная крыса, готовая быстро и остервенело укусить в ответ, но пока мог лишь безрезультатно скалить зубы.

Полученный от владельца бойцовской ямы кинжал уже был утерян, глубоко и надежно застряв в трупe одного из врагов и из всего у Патриарха остались лишь кулаки, ноги, зубы и смекалка. А последняя ему была очень нужна, чтобы придумать хотя бы один способ вывернуться из ситуации, когда рыча и размахивая лапами с массивными черными когтями на него раз за разом набрасывается огромный лев с пышной, окровавленной гривой. Зверь был по опасному красив, источая грациозность и кровожадность в каждом движении, показывая изворотами тела и быстрыми неустанными наскоками с разных сторон, что шрамы на его теле были отнюдь не от собратьев зверей и жизнь в яме научила его, как заслужить себе кусок пожирнее, когда вокруг режут люди.

Конечно, Патриарх мог оскорбиться, озлобиться на обманувших его людей, но к чему ему это? Все было вполне логично и понятно. В Миэрине никто не будет скорбеть по очередному растерзанному зверем на потеху толпе безродному мальчишке. Даже наоборот, местный управитель получит лишь приток клиентов, за счет разнообразия. Никто не знал его имени и лишь то что хозяин арены видел его на площади дало ему кинжал и шанс на выживание. Хотя скорее всего это должно было стать насмешкой судьбы, ведь что может пусть и ловкий, но все еще мальчишка против двух разъяренных от шума с ранами и обезумевших от крови зверей? Но Патриарх мог и смеяться в лицо как своим обманщикам, так и льву, ибо знал то, чего не знал никто ни в этом городе, ни во всем мире.

Он мог расти над собой только в битве.

Его духовная сила трепетала от каждого смертельного мига, беснуясь от аромата крови и стали, разжигая огонь души, что пожирал энергию из вне, словно огромный кострище, готовый обратиться лесным пожаром. Сила наполняла его после убийства зверя, сначала скопившись в определенной точке глубоко внутри тела, а теперь медленно расплываясь по конечностям и усваиваясь во время физических нагрузок.

-Еще чуть-чуть... - хрипло выдавил в свою поддержку Патриарх, с упоением придающийся воспоминаниям о том, как же давно он не чувствовал усталости и ломящей боли в мышцах. - Подожди еще немного киска. Еще пару мгновений и мы поиграем.

Зверь бесновался, размахивая лапами, виляя хвостом и скаля ужасные желтые клыки, он был смертью для многих живых существ, но маленькая обезьяна в обносках уходила от его смертоносных орудий, коими льва наградила природа. С рыком животное вновь дернулось вперед, но тут же щелкнул хвостом по песку и наискось прыгнул влево, наперерез пытающемуся спастись мальчишке. Но верткой обезьяне повезло, могучий зверь переоценил силу его ног и удар лапой лишь вскользь задел мальчишку.

Патриарх лишь злобно оскалился, чувствуя, как плоть сходит с его ноги, оторванная кривыми когтями льва. Теплая кровь обагрила песок, красочно и картинно, разбрасывая рубиновые капли в воздух. Толпа возбужденно заголосила и зверь, словно чувствуя их желания скорейшего зрелища, без своих прошлых финтов, резко завертелся на месте и в один прыжок, в секунду оказался возле мальчишки. Но было уже поздно, момент необходимый для победы был упущен по чистой случайности и все, что теперь мог сделать зверь, это лишь подчиниться уготованной ему судьбе.

Цель увернулась от смертоносных объятий, руки Патриарха, обретшие нечеловеческую силу сомкнулись в кольцо вокруг массивной шеи зверя, а сам он вскочил ему на спину, подбивая ногами задние лапы и роняя животное на песок. Новый крик толпы оглушающей волной прошелся по округе, возвещая о мрачном удовольствии, что получают люди от неожиданной развязки. Зверь дернулся, суча когтистыми лапами по песку, вспахивая борозды и поднимая в воздух пыль. Его ужасная пасть раскрылась и исторгала из себя хрипы, покуда зверь, вывалив малиновый язык, перекачивался, пытаясь сбросить несостоявшуюся дичь.

Но Патриарх не расцеплял рук, скалясь и хрипло хихикая, он сжимал руки с каждым мгновением все сильнее, черпая силу из агонии зверя и, казалось растянувшейся на бесконечность, борьбы с ним. Но наконец все кончилось, гортань зверя хрустнула и лев издал пронзительный булькающий звук, в последний раз совершая подобие своего знаменитого смертоносного прыжка, которым он наверняка загнал десятки жертв. Тело могучего зверя обмякло, и мальчишка небрежно откинул его прочь.

Поднимался Патриарх уже под оглушительный рев толпы и громогласные хлопки и шлепки, под топот и свист. Люди ликовали, радостно принимая неожиданную развязку, что случилась на казалось обычной разминке между боями гладиаторов. Даже люди в такой дыре, как бойцовская яма для бедных могли понять торжественность момента, вознося похвалу окровавленному и загнанному мальчишке, который одолел двух огромных зверей.

Патриарх вскинул руки, наслаждаясь моментом и тут же развернулся, безошибочно впиваясь внимательным и вызывающим взглядом в ложе хозяина арены. Он видел, как тот сидит в полутьме паланкина на пуховых подушках, обшитых бархатом, и смотрит на него в ответ. Видел, как дрожит его рука в блестящих золотых кольцах, судорожно сжимающая рукоять кривого кинжала на поясе. Улыбнувшись, мальчишка с небольшим усилием вытащил ранее потерянный в плоти льва клинок и по-свойски засунул его за пояс. Ворота с арены загрохотали, поднимая решетку и в свете появился пузатый охранник, призывно махающий юному гладиатору. Тот в последний раз вскинул обе окровавленные ладони и вприпрыжку скрылся в темноте коридоров.